

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С17

Дизайн обложки *Юлии Межовой*
В оформлении книги использованы иллюстрации
Александра Соломина

С17 **Самая страшная книга.** Лучшее / Сборник.— Москва:
Издательство АСТ, 2017.— 587 с.

ISBN 978-5-17-103524-2

Антология? Нет!

Перед вами — антология антологий. Переиздание лучших рассказов из ставших бестселлерами сборников «Самая страшная книга 2014», «Самая страшная книга 2015», «Самая страшная книга 2016», «Самая страшная книга 2017», одобренная ранее не публиковавшимися в этой серии произведениями. Не просто лучшие рассказы ужасов на русском языке, но — лучшие из лучших. Своеобразные итоги работы, проведенной за пять лет существования серии «ССК». Авторы и произведения, УЖЕ оставившие неизгладимый след в истории жанра ужасов России и ближнего зарубежья.

Настоящий подарок всем ценителям хоррор-литературы. Самая-самая страшная книга!

© Авторы, текст, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Парфенов М. С.)	6
Навек исчезнув в бездне под Мессиной... (Владимир Кузнецов)	8
Оставайтесь на связи (Игорь Кром)	46
Ночной пловец (Дмитрий Витер)	82
Аттракционы (Татьяна Томах)	98
Лягушка – прожорливое брюшко (Елена Щетинина) ..	136
Бадочки в ее глазах (Максим Кабир)	180
Работа. Возможно совмещение (Михаил Павлов)	198
Америка (Анатолий Уманский)	230
Таймер (Александр Матюхин)	266
Сученыш (Олег Кожин)	286
Ферма (Мария Артемьева)	312
10 фунтов (Игорь Кременцов)	340
Длака (Николай Иванов)	376
Забитые чертом (Александр Подольский)	398
Трапеза (Дмитрий Тихонов)	432
Лето пришло (Юрий Погуляй)	454
Приманка, или Арктическая история (Майк Гелприн, Ольга Рэйн)	468
Веерное отключение (Алексей Провоторов)	504
Зайчик (Дмитрий Мордас)	532
Никогда (Владислав Женевский)	562

ПРЕДИСЛОВИЕ

Антологии, в названиях которых указывается год — знаете, все эти «Лучшая фантастика такого-то года», «Лучшая мистика такого-то года» и так далее, — никогда не переиздаются.

Даже если такие книги имеют успех, их срок «жизни» все равно ограничен максимум парой лет. Затем у публики пропадает интерес, а места на полках книжных магазинов занимают другие сборники...

Это естественно, но все равно — чертовски обидно. Расставаться с хорошими книгами вообще тяжело. Как прощаться с добрым другом — а ведь книжка, которую время от времени хочется перечитать, и правда становится тебе другом.

Для авторов и составителей их антологии — даже больше, чем просто друзья. Для нас они как дети. Мы их холили, лелеяли, растили, чтобы потом, когда настало время, отпустить во взрослую жизнь.

Но хорошие дети, даже повзрослев, хотя бы изредка навещают родителей. Так что я чувствую себя счастливым отцом большого семейства, говоря о той книге, которую вы сейчас держите в руках. Смотрю на нее — и узнаю знакомые черты. Так много лиц, имен, каждое из которых по-своему дорого моему сердцу. Спасибо, что заглянули на огонек, ребята.

«Самая страшная книга: Лучшее» — это то самое «переиздание, которых не случается», по определению не должно быть у антологий-ежегодников. Но мы тут, знаете ли, пишем хоррор, то есть имеем дело с мрачными выдумками. Воплощаем на бумаге пугающие идеи, фантазируем о всяческой жути. А мир фантазий границ не имеет, даже если это весьма зловещие мечтания.

Мы отобрали шестнадцать замечательных историй, опубликованных в ежегодниках ССК за последние четыре года. И добавили еще несколько отменных рассказов от хорошо известных и любимых нашими постоянными читателями авторов. «Лучшее» — отличный способ познакомиться с серией ССК для тех, кто узнал про нас недавно и уже не найдет в продаже первые тома. А также, надеюсь, это прекрасный подарок вообще всем ценителям отечественной хоррор-литературы по случаю грядущего юбилея: ведь следующая, «Самая страшная книга 2018», станет нашей уже пятой по счету ежегодной антологией.

За эти пять лет я, наверное, раз двадцать, если не больше, писал предисловия и послесловия к разным книгам, хорошим и не очень (надеюсь, первых все-таки было больше). Но, кажется, еще никогда я не был так краток, как сейчас. И знаете что? Я рад, что могу помолчать. Потому что истории, собранные в «ССК: Лучшее» — в большинстве своем сочинения уже не новичков, но опытных, вполне состоявшихся авторов. Которые прекрасно умеют говорить сами за себя.

Послушайте... Какие глубокие, сильные голоса!
Сейчас они поведают вам о страшном.

Парфенов М. С.

Владимир Кузнецов

Рассказом «Навек исчезнув в бездне
под Мессинной...» писатель
и музыкант Владимир Кузнецов
ярко дебютировал в «Самой страшной книге 2014».

Рассказ был настолько хорош,
что едва не отхватил премию «Книга года»
портала «Фантлаб» в номинации
«Лучшая повесть/рассказ отечественного
автора».

В дальнейшем Кузнецов повторил свой успех
с новеллой «Тетраграмматон» («Самая страшная
книга 2016»), другие произведения автора были
опубликованы в антологиях «13 маньяков»,
«Хеллоуин», «Темные», «13 ведьм».

В 2016 году роман «Ртуть и соль» стал
лауреатом премии «Рукопись года»
и был издан в серии «Историческая фантастика.
Эпоха империй».

Навек исчезнув
В бездне
под Мессиной...

Дождь. Четвертые сутки подряд небо затянуто тяжелыми, низкими тучами, превратившими день в бесконечные, давящие сумерки, а ночь — в непроглядную, как бочка с дегтем, пропасть. Огонь светильников и костров бессилён справиться с влажной, густой темнотой. Он вырывает из нее небольшие куски, в которые силятся уместиться промокшие, усталые люди. Темнота и вода вездесущи.

Райен Джей Вилкерс, командир туннельного взвода Королевского Инженерного Корпуса, с тоской поглядел себе под ноги. Пол офицерского блиндажа, в котором он находился, размок настолько, что ботинки по щиколотку утопали в жидкой, глинистой грязи. Грязь источала отвратительный odor солоноватой болотной гнили. Огонек свечи, стоящей на столе, беспокойно дрожал, тревожимый вездесущими сквозняками. Свет, который он давал, был слабым и обманчивым, и Райену приходилось щуриться и низко склоняться над бумагой, чтобы различать выводимые пером буквы.

Едва слышимый сквозь футы земли, бетона и бревен, слуха Вилкерса коснулся противный гудящий свист. Лейтенант еще ниже наклонился над столом, вжав голову в плечи и прикрыв грудью небольшой лист бумаги, над которым трудился. Тяжело гроыхнуло, деревянная обшивка стен блиндажа заскрипела, с потолка посыпало мелкой влажной крошкой.

Когда вибрация стихла, Райен распрямился и продолжил писать. Буквы выходили кривые и неровные — руки, замерзшие и привыкшие к грубой работе, отказывались выводить их каллиграфически правильно.

«Милая Дженни.

Уже второе рождество я встречаю в окопах. Немногие здесь могут похвастаться таким сроком, а те, кто мог бы, — предпочитают смолчать. Мы стараемся не думать о том, в каких условиях оказались и что нам приходится терпеть — иначе можно сойти с ума. Я не хочу тебя обманывать, рассказывая, как делают другие, что нам здесь живется неплохо. Думаю, категории «плохо» или «хорошо» в применении к фронту совершенно неуместны. Дни, проведенные здесь, измеряются иными понятиями, чуждыми тем, кому с Божьего благословения повезло не попасть сюда.

Кажется, что за два прошедших года в войне не произошло совершенно никаких сдвигов. Военная мощь гуннов неистощима, каждую нашу атаку встречает контратака, ничуть не слабее, а часто — гораздо более сильная. На любое изобретение нашего командования они отвечают быстро, перенимая его или выдумывая нечто еще более смертоносное.

Но для нас, тоннельщиков, дела обстоят несколько лучше, нежели для простых солдат на передовой. Наше ремесло здесь во многом схоже с тем, чем мы занимались дома, — и это успокаивает, позволяет иногда забывать о том, где мы находимся. Конечно, есть множество особенностей, которые отличают прокладку военных туннелей от простой добычи угля где-нибудь в Ньюкасле. Но непременное главное — мы не часто встречаемся с врагом лицом к лицу. Это очень важно, Дженни, ты не представляешь насколько. Убить человека — дело богопротивное и оттого невероятно сложное. Но стоишь сделать это, когда глядишь глаза в глаза. Ведь только издали, когда они кажутся серой, безликой толпой, немцы становятся врагами, кровожадной гуннской ордой. Стоит же приблизиться к любо-

му из них на расстояние вытянутой руки – и ты видишь перед собой человека. Обычного человека, такого же, как и ты сам. И ты понимаешь, что где-то далеко отсюда у него остались жена, дети, мать...

Милая Дженни, не подумай только, что я струсил. Я, как и в первый день, готов сражаться за Короля и Страну до последнего издыхания, но... Эти строчки должны приоткрыть тебе ту тяжесть, с которой мы живем, то, что довлеет над нами и поражает наш разум...»

– Лейтенант.— Появление Рональда Дьюрри, сержанта тоннельщиков, заставило Райена прерваться. Он поднял взгляд на вошедшего солдата, с ног до головы покрытого грязью, так что только белки глаз выделялись на сплошном серо-коричневом фоне.

– Что тебе, Дьюрри?

– Уже восемь, сэр. Пора.

Виккерс посмотрел на часы. Сержант был прав – пришло время снова опускаться вниз, на два десятка футов, в недра влажной, глинистой почвы Фландрии. Аккуратно сложив письмо, лейтенант спрятал его во внутренний карман кителя. Не хотел оставлять его здесь, опасаясь, что случайным снарядом блиндаж может завалить, или, того хуже, кому-то из офицеров оно попадет на глаза. На фронте показная похабность и циничность были неотъемлемыми чертами любого – чем-то вроде защитного панциря, в котором укрывались солдаты и офицеры, стремясь отгородиться от ужасов позиционной войны. Деграция всех душевных аспектов – мыслей, потребностей, чувств – происходила со всеми попадавшими сюда быстро и бесповоротно. Все сводилось к трем азам: хорошо поесть, выспаться и не умереть. Все остальное воспринималось как ненужная труха и подвергалось жестокому осмеянию. А отношение к тоннельщикам – «кро-там», как их здесь называли, было еще более агрессив-

ным. Их не считали настоящими солдатами, полагая, что внизу, в своих подземных лабиринтах, они пребывают в полной безопасности. При этом никто из злопыхателей, само собой, вниз не спускался.

Сборы были недолгими — привычная процедура, повторявшаяся изо дня в день и совпадавшая в каждой мелочи. Когда-то бесконечно давно наставник Веккерса, горный мастер О'Хара говорил, что перед спуском в шахту мелочей не бывает. Неоднократно убедившись в правоте старика-ирландца, Райен всегда подходил к подобным сборам, как к сакральному ритуалу, не отступая от заведенного порядка ни на йоту.

На плечи тяжело лег кислородный аппарат «Прото», лучший друг любого тоннельщика. Ременные пряжки по бокам притянули его громоздкую конструкцию к телу. Этот вариант компания «Зейб Горманн» разрабатывала специально для шахтеров: «Прото» был оснащен системой принудительного охлаждения, а кислородный баллон и емкость с сорбентом находились на груди, так, чтобы горняк в случае повреждения мог сразу его заметить. Две дыхательные трубки соединялись в специальный мундштук с зажимом для носа и ремнями для закрепления на голове, еще один шланг оканчивался датчиком давления в кислородном баке. Все эти части Веккерс скрупулезно проверял — от работоспособности каждого клапана, герметичности зажимов и наличия кислорода и сорбента напрямую зависела его жизнь.

Закончив с аппаратом, он перешел к оружию. Проверил пистолет, достав его из кобуры. Затвор ходил мягко, магазин был полон. Большинство офицеров предпочитали револьверы, но Райен считал, что пистолет Уэбли-Скотта имеет одно неоспоримое преимущество перед своими барабанными коллегами: вместо шести патронов пистолет вмещал семь. Штык винтовки Ли-Энфилд

Виккерс отправил за голенище сапога. На поясе было и так много всего развешано, чтобы еще добавлять туда полторафутовый клинок, который, как его ни повесь, все равно будет мешаться, упираясь в бедра и цепляясь за стенки тоннелей.

Потом последовали фляга с водой, небольшой запас свечей и старательно замотанные в промасленную бумагу спички. Нельзя было дать им отсыреть — стоило свече погаснуть, задутый неожиданным сквозняком или слишком резким движением, и тоннельщик рисковал оказаться в полной темноте, а ориентироваться в сложной сети шахт и ходов и без того было нелегко. Все это Райен упаковал в поясную сумку, а через плечо перекинул планшет со схемами. В нагрудный карман положил еще одну коробку спичек, на этот раз, замотанную еще и в фольгу.

Виккерс и Дьюрри вышли из блиндажа, двинувшись по глубокой, укрепленной деревянными балками и шифером траншее. Это была резервная линия, третья по счету, проложенная на расстоянии почти трех сотен ярдов от передовой. Снаряды сюда долетали редко, так что идти можно было сравнительно спокойно.

С неба снова лило. Вода скапливалась на дне окопа, противно чавкая под сапогами. Деревянных настилов здесь не было — их все забрали, чтобы устроить хоть какие-то подходы для снабжения, буквально тонувшего во фландрийской грязи. Вездесущая сырость давно пропитала одежду, отчего казалось, что двигаешься по горло в воде. Но там, внизу, будет намного хуже, да. Там будет меньше воздуха, меньше света, меньше... всего. Только воды, стекающей отовсюду, и голубой глины, бесконечных залежей этой тяжелой пластичной породы, будет по-настоящему много.

Спуск в шахту располагался в глубоком, хорошо укрепленном бункере. От поверхности его отделяло

несколько метров бетона, надежные опоры, тройной настил из бревен. Рядом тянулись просторные навесы — здесь, надежно укрытые маскировочной сеткой, находились тоннельные отвалы. Тысячи фунтов глины, извлеченной из земных недр, со всеми предосторожностями укрывались от взглядов немецких воздушных разведчиков. Их паковали в мешки для брустверов, скидывали в котлованы, присыпая сверху песком и землей — короче, распределяли как могли. И все равно, на поверхности, у отвалов шахт, ее скапливалось огромное количество.

Из зева шахты тянулись мерно вздрагивающие шланги — где-то в глубине целый каскад насосов непрерывно откачивал просачивавшуюся сквозь верхний песчаный слой воду. Рядом тянулись электрические кабели, подававшие питание сложной технике.

— Где остальные? — спросил Виккерс, чтобы хоть на несколько секунд задержать начало спуска. Он не боялся, нет. Но там, внизу, человеку делать было нечего, и Райен ощущал это каждой клеточкой своего тела. Не он боялся тоннелей — тоннели отторгали его.

— Уже внизу, лейтенант. Мы немного задержались.

Райен взглянул на часы. Действительно, было уже семь минут девятого.

Тоннели здесь располагались в несколько ярусов — промежуточные, вспомогательные, водоотводные... Некоторые из них были полностью залиты водой, другие — только частично.

Уже в пятнадцати ярдах от спуска горел первый светильник, небольшая керосиновая лампа. Дорогое удовольствие, потому использовали их только в главных тоннелях. В остальных света или вообще не было — или одинокие сальные свечи коптели себе под нос. От них всегда стоял тяжелый, жирный дух, раздражавший ноздри. Впрочем, к нему можно было привыкнуть, он был